

Сквозь зыбкую пелену сна я внезапно почувствовал, как чьи-то пальцы бесцеремонно зажали мне нос. Дышать стало решительно нечем. Можно было даже не открывать глаза: только мой неугомонный отец мог выкинуть подобное спозаранку.

— Счастливого Рождества, сынок! — папа явно пребывал в превосходном расположении духа.

— Счастливого Рождества, пап, — пробормотал я сквозь сон и попытался снова зарыться в подушку.

«Великий Мерлин, умоляю, дай мне поспать еще хоть немного».

— А ну-ка вставай, лежебока, пора разбирать подарки! — он снова потянулся к моему носу. — Представляешь, в этот раз тебе привалило даже больше, чем мне!

— Угу, — промычал я.

Но отвертеться не удалось. Папа буквально выволок меня из теплой постели и отбуксировал в гостиную. Под пушистыми ветками рождественской ели громоздилась внушительная гора коробок. Я сонно потер глаза, присмотрелся — и обомлел: все эти свертки предназначались мне.

На душе сразу потеплело, и я невольно ощутил укол мальчишеской гордости. Вообще-то мой отец, Винсент, — человек общительный и дружелюбный, обделен вниманием на праздники никогда не был. Но сегодня я его официально обставил!

— Сын! — папа крутил в руках подаренные мной меняющие цвет чернила, сияя от восторга как ребенок. — Вот спасибо, удружил!

— Только не вздумай хвастаться перед своими знакомыми направо и налево, — наставительно произнес я, уже вовсю шурша оберточной бумагой.

Зная папенькин характер, эту бутылочку он при первой же возможности потащит демонстрировать друзьям, после чего она благополучно растворится где-нибудь в мире магов или, что еще хуже, утечет к маглам и с концами сгинет.

Гарри прислал мне коробку огненного шоколада, от Рона достался увесистый кулек бонбон «Берти Боттс» с любым вкусом, а Гермiona расщедрилась на отличный набор волшебных шахмат. Убей не помню, когда я успел сболтнуть ей, что умею играть, хотя, признаться, в наших редких партиях с Уизли победа почти всегда оставалась за мной.

Блейз порадовал изящным серебряным значком Слизерина, инкрустированным бирюзой. А Драко... он прислал великолепную золотую астроблабу. Я вспомнил, как во время нашего первого похода в Косую аллею буквально исходил слюной у витрины с этим прибором. Стоила

штуковина баснословно дорого, так что нам с отцом оставалось лишь замороженно вздыхать, глядя на нее сквозь стекло. И надо же — Малфой запомнил.

Перебирая ворох подарков дальше, я с удивлением обнаружил, что поздравления прислали почти все первокурсники нашего факультета, да и от ребят постарше пришло немало посылок. Слизеринская атрибутика явно преобладала.

Я озадаченно поскреб переносицу.

«Чертовщина какая-то. Неужели я настолько обаятелен? С каких это пор к маглорожденному выскочке в Слизерине проявляют такую трогательную заботу? Здесь явно кроется какой-то подвох».

— Ладно, именинник, марш умываться и чистить зубы, а я пока приберу этот кавардак! — скомандовал папа, глядя на разбросанные по ковру богатства.

Он смотрел с лихорадочным блеском.

— Пап, только ничего не трогай руками! Мне вне школы колдовать нельзя, а если ты со своей инициативой устроишь какой-нибудь казус...

Закончить я не успел. В ту же секунду одна из нераспечатанных коробок с глухим хлопком взорвалась. По гостиной мгновенно поползло тошнотворное, удушливое амбре.

Навозная бомба. Мерзость какая.

— Твою мать! И чей это «сюрприз»?! — взревел я в ярости.

Отпихнув ошарашенного отца подальше от эпицентра катастрофы, я осторожно исследовал остатки разорванного свертка. Ярко-красная упаковочная бумага не сохранила ни имени отправителя, ни записки. Концы в воду — шутник хорошо подготовился.

— Сынок... — загнусавил папа, изо всех сил зажимая пальцами нос. — Ты что, успел нажить себе врагов в этой школе?

— Нет, — я прищурился.

Конечно, я лукавил. Мой статус маглорожденного на змеином факультете у многих сидел костью в горле, и глупо было отрицать, что пара-тройка фанатиков чистой крови спит и видит, как бы стереть меня в порошок. Но портить мне Рождество подобными дешевыми пакостями? Ну уж нет, этого я так просто не оставлю.

— С Рождеством! — сияющая Гермиона, как и обещала перед каникулами, нанесла визит вежливости во второй половине дня.

— Рад вас видеть! И взаимно — с праздником. Спасибо за шахматы, подарок просто чудесный, — я приветливо улыбнулся и жестом пригласил семейство Грейнджер войти.

К счастью, к их приходу нам с отцом после долгих и изнурительных мучений наконец удалось выветрить из дома въедливую вонь навозной жижи.

После краткого обмена любезностями и знакомства папа, расплывшись в гостеприимной улыбке, проводил чету Грейнджеров в гостиную.

— Какое счастье, что твой папа тоже обычный человек, — негромко шепнула мне Гермиона, пока я показывал ей наш дом. — Мой ужасно переживал бы, окажись он настоящим волшебником.

— Поверь, если бы твой отец владел магией, мой папа от избытка чувств грохнулся бы в обморок и угодил прямиком в больницу, — я иронично хмыкнул. — Поднимемся ко мне?

— С удовольствием, если ты не против, — девочка улыбнулась, забавно обнажив крупные передние зубы.

Я едва сдержал смехок. С этой своей улыбкой и вечно взъерошенной копной каштановых кудрей она удивительно походила на взволнованного крольчонка.

— Ого... Это правда твоя комната? — удивилась Гермиона, переступив порог.

— Моя, — я окинул взглядом спальню, в которой провел последние одиннадцать лет.

Здесь царили образцовая чистота и порядок. Просторная комната была залита зимним светом. Вдоль всей стены тянулся встроенный шкаф, добрая половина полок которого была плотно заставлена книгами. На письменном столе — только чернильные приборы, перья да аккуратно собранная модель скелета динозавра. Постель я заправил еще утром, без единой складочки. Терпеть не могу хаос и избыточный декор. Привычных детских игрушек тут тоже было не сыскать — они меня никогда не интересовали. И пусть внешне мне едва исполнилось одиннадцать, внутренне я давно перерос нелепый возраст капризов и беспорядка.

— Невероятно, — выдохнула Гермиона, задрав голову перед уходящим под самый потолок книжным стеллажом. — Теперь понятно, почему ты знаешь обо всем на свете, Ланс.

— Ну, преувеличиваешь, — я присел на край кровати. — К сожалению, до половины этих фолиантов у меня еще руки не дошли, но я активно работаю над этим. Располагайся, чувствуй себя как дома.

— Излишняя скромность тебе не идет, — покачала головой гостя, присаживаясь на стул у стола. — Пока что ты единственный человек со всего Слизерина, который вызывает у меня искреннее уважение.

— Весьма польщен, — я шутливо поклонился.

Гермиона обладала ошеломительным умом и поразительной тягой к знаниям — качества, которые я ценил превыше всего. Именно поэтому мы так легко ладили.

— А Малфой разве не звал тебя к себе в гости? — поинтересовалась она.

Благодаря моим ненавязчивым комментариям Гермиона не испытывала к Драко глухой ненависти. Он казался ей обычным заносчивым снобом, и ее лишь раздражала его манера вечно цепляться к Гарри.

— Времени не нашлось, — я развел руками. — Да и он, полагаю, занят по горло.

Гермиона скептически посмотрела, но развивать тему не стала.

— Судя по всему, Санта к тебе в этом году заглянул не с пустыми руками, — она с улыбкой указала на разложенные по полкам диковинки.

— Сам в шоке от масштабов собственного «обаяния», — я покосился на гору подарков, а затем плавно перевел тему: — Кстати, о птичках. Перед самыми каникулами вы с ребятами буквально прописались в библиотеке. Искали что-то конкретное?

Гермиона заметно вздрогнула и тут же поспешно затараторила:

— О, мы просто... Ну, в библиотеке куда проще сосредоточиться над домашними заданиями. В гостиной Гриффиндора вечно стоит невообразимый гвалт.

— Вот как? Разумно, — я мягко заглянул ей в глаза.

Гермиона стушевалась и поспешно отвела взгляд. Все ясно. Юные гриффиндорцы заключили пакт о неразглашении. Тема Философского камня — зона, закрытая для посторонних ушей, и привлекать слизеринца к своим играм они не намерены.

Внутри шевельнулась глухая досада. Два противоречивых чувства боролись в моей голове: одно клокотало уязвленным самолюбием, другое — язвительно усмехалось над наивностью этой троицы.

— А Эол еще не вернулся? — спросила Гермиона, заметив пустую клетку на подоконнике.

Эол — мой сизокрылый филин.

— Полетел доставлять подарки профессору Снейпу и еще паре приятелей. С минуты на минуту должен быть здесь, — небрежно отозвался я.

К слову, нашему грозному зельевару я отправил дюжину плотных шерстяных носков. В его промозглых подземельях немудрено заработать ревматизм, там просто невозможно находиться без теплой одежды.

Гермиона уставилась на меня так, словно у меня выросла вторая голова:

— Ты... отправил рождественский подарок Снейпу?!

— Профессору Снейпу, Гермиона. Он встречает праздник в полном одиночестве. Согласись, тоскливое зрелище.

— Но ведь ходят слухи, что в прошлом он был Пожирателем смерти! — понизив голос, выдала она.

— Директор Дамблдор доверяет ему безоговорочно. Мы как-то обсуждали это с Гарри.

Правда, наш разговор с Поттером тогда больше сводился к его недоумению по поводу того, почему декан Слизерина так упорно пытается сжить его со свету.

— Ланс, я давно хотела спросить... — Гермиона замялась, подбирая слова. — Ты ведь из обычной семьи. Как так вышло, что тебя распределили на Слизерин?

— Понятия не имею. Возможно, по материнской линии затесался кто-то из волшебников, — пожал я плечами. — К сожалению, Распределяющая шляпа мои пожелания проигнорировала.

— Меня она тоже порывалась отправить в Рейвенкло, — задумчиво протянула Гермиона. — Но почему с тобой вышло такое странное исключение?

— Видимо, Шляпа сочла, что лучшего места для раскрытия моего потенциала не найти, — я усмехнулся. — Впрочем, мне безразлична репутация факультета, знания можно получать везде. Не позволяй предрассудкам затуманивать твой ясный взор, юная леди.

— Иногда ты изъясняешься точь-в-точь как столетний старик, — прыснула Гермиона.

— Ребята, как насчет горячего молока с медом и свежего печенья? — донесся из приоткрытой двери бодрый папин голос.

— С удовольствием, уже идем! — отозвался я и повернулся к Гермионе: — Ну что, оценишь мои кулинарные таланты?

— Ты сам печешь печенье? — изумилась она.

— Пришлось освоить кондитерское дело, поскольку мой дорогой родитель способен лишь сжечь кухню дотла, — улыбнулся я. — Не переживай, мои шедевры точно не сломают тебе зубы, в отличие от стряпни Хагрида.

После приятного чаепития семейство Грейнджер откланялось. Повязав фартук, я принялся намыwać чашки, пока отец, попыхивая вишневой трубкой, лениво наблюдал за процессом со стороны. К мытью хрупкой посуды я его близко не подпускал — у него все так и валилось из рук.

— Ужинаем сегодня у тети Бесси, — папа довольно сощурился. — Она уже запекла рождественскую индейку и просто сгорает от нетерпения увидеть своего любимого племянника.

— Замечательно. Закончу здесь, и можем выходить, — согласился я.

Бесси Джойд — старшая сестра отца. Одинокая женщина без собственной семьи, она всю нерастрченную материнскую любовь изливала на меня, балуя при каждой встрече.

В памяти неожиданно всплыли давешние рассуждения Забини о моей родословной. Действительно, я ведь никогда в глаза не видел родственников со стороны матери. Когда-то я пытался расспросить отца, но тот лишь разводил руками: мама была сиротой, вся ее семья погибла в автокатастрофе, когда ей едва исполнилось семь лет, а о братьях или сестрах никто никогда не слышал. Ее девичья фамилия была Уайт — банальнее не придумаешь.

«Пожалуй, стоит всерьез заняться этим вопросом. А вдруг в жилах миссис Уайт действительно текла магическая кровь?»

Рождественские каникулы пролетели незаметно и на редкость приятно. Выпало много снега, и мы с Гермионой устроили грандиозное снежное побоище на заднем дворе. На какой-то миг я даже поймал себя на мысли, что чувствую себя обычным беззаботным ребенком, хотя, если сложить мои обе жизни, мне перевалило за добрых три десятка. К Малфою я так и не поехал. На его настойчивое приглашение вежливо ответил отказом — знакомиться лично со скользким Люциусом Малфоем в мои планы пока не входило.

— Слизерин никогда не принимал маглорожденных, — авторитетно заявил Блейз, когда мы

вернулись в школу. — Я перерыл кучу архивов. Те редкие исключения, которых считали грязнокровками, на деле оказались бастардами или полукровками из угасших родов. Наверняка и у тебя та же история.

— Звучит убедительно, — лениво отозвался я, переворачивая страницу книги. — Я бы и сам не прочь покопаться в семейном древе мамы, да только отец знает сущие крохи. Зацепиться решительно не за что.

— Считай, тебе повезло, приятель, — Забини щелкнул пальцами. — Выкладывай все, что тебе известно. Попробуем навести справки через мои каналы.

— Буду крайне признателен, — именно этой реакции я от него и добивался. — Только давай без лишнего шума. Мне лишняя слава ни к чему.

В этот момент дверь спальни распахнулась, и на пороге появился хмурый Малфой. Наткнувшись на меня взглядом, он на секунду замер, после чего демонстративно вздернул свой острый подбородок.

Я лишь скользнул по нему равнодушным взглядом и промолчал. С началом нового семестра Драко ни капли не изменился: все так же таскал за собой туповатых Крэбба с Гойлом, кичился аристократическим происхождением и строил козни Поттеру. Наши с ним отношения благополучно откатились к ледниковому периоду — ровно до того момента, как он сдуру вышвырнул мои вещи. Сперва меня забавляла его напыщенная холодность, но вскоре я понял, в чем крылась истинная причина этой детской обиды.

Малфой молча схватил со стола какой-то учебник и стремительно вымелся из комнаты. За все это время мы не проронили ни слова, лишь проводили его взглядами под аккомпанемент захлопнувшейся двери.

— Ланс, вы с Драко поцапались, что ли? — Блейз с любопытством присел на край моей постели.

— Скорее всего, он исходит желчью из-за того, что я отклонил его приглашение в Поместье Малфоев на Рождество.

— Что?! — Забини едва не лишился дара речи. — Он лично позвал тебя в свое поместье, а ты взял и отказался?! Да почему?!

— Отец не захотел отпускать меня к малознакомым людям. Мы и так видимся всего дважды в год, он слишком дорожит этим временем, — не моргнув глазом, соврал я.

Причин отказаться у меня была масса, но пускаться в долгие объяснения не имело никакого смысла.

— Ты упустил колоссальную возможность! — сокрушенно вздохнул Блейз. — Господин Малфой наверняка хотел лично на тебя посмотреть. Я ведь расписал ему во всех красках, что ты — самый блестящий студент на нашем потоке.

— Ценю твой пиар, — хмыкнул я. — Но ты явно переоцениваешь мои скромные успехи.

— Ничуть, — отмахнулся он. — Из твоей головы можно составить полноценную энциклопедию, и это неоспоримый факт.

Я лишь снисходительно улыбнулся. Энциклопедия? Какая глупость. Просто в теле одиннадцатилетнего первокурсника скрывается разум взрослого мужчины со всеми накопленными за долгую жизнь знаниями. Разумеется, я буду казаться им гением.

— Слышал последние новости? На следующем матче по квиддичу судить будет наш декан, — понизив голос, сообщил Блейз.

— Хм, — я отложил книгу в сторону. — Помнится, играют Гриффиндор и Хаффлафф?

— Именно, — Забини заговорщицки прищурился. — Сыграем на интерес? На кого ставишь?

«Спорить на исход матча?» — мысленно усмехнулся я. Наивный ребенок. Да пусть хоть сам Мерлин судит эту игру с предвзятостью Снейпа, Гриффиндор все равно вырвет победу. Сюжетные рельсы не сокрушить.

— Ставки на спорт меня мало привлекают, — ровно ответил я. — А вот дела нашего Мальчика-который-выжил куда более интригующи.

— Поттер? — Блейз недовольно поморщился. — А с ним-то что не так?

— Да так, вспомнил, что задолжал ему одну вещицу, — я скользнул взглядом по вазочке со сладостями на тумбочке.

Судя по всему, Гарри все-таки наткнулся на имя Николаса Фламея на карточке от шоколадной лягушки, а Гермиона с помощью моих книг благополучно сопоставила факты и докопалась до тайны бессмертного алхимика и его Философского камня. С этого момента события обещали принять куда более захватывающий оборот. До сих пор я предпочитал оставаться сторонним наблюдателем, но пассивная позиция изжила себя. Раз уж я твердо решил облегчить Поттеру жизнь, пора переходить от созерцания к активным действиям.

Драко Малфой

Ланс Джойд. По идее, в это время ему полагалось киснуть над манускриптами в библиотеке. Какого черта он делает в спальне?

У меня было желание снизойти до приветствия, но стоило наткнуться взглядом на его угольно-черные глаза, как всякая спесь испарилась, уступив место раздражению. Обычный грязнокровка из захудалой магльской семейки. Каким образом Шляпа вообще додумалась засунуть его на благородный Слизерин? И с какой стати этот выскочка позволяет себе дважды подряд отвергать протянутую руку Малфоя? Неужели он возомнил о себе невесть что из-за этих своих жутких, пробирающих до костей глазниц?

У Джойда невероятно темные, бездонные глаза. Совсем не такие, как у крестного — Ланс смотрит пронзительнее, и в его взгляде чувствуется пугающая глубина, от которой инстинктивно хочется отвернуться. Поначалу он дико меня бесил. Мало того что от его взгляда вечно мороз шел по коже, так он еще и грязнокровка! Отец всегда повторял: отребье, воспитанное жалкими маглами, недостойно зваться магами. И этот мусор не просто зачислили на наш элитарный факультет — его подселили ко мне в комнату! Я считал это личным оскорблением.

Но Джойд, надо отдать ему должное, соображал в разы быстрее безмозглых Крэбба и Гойла. Его эрудиция поражала — он ориентировался в сложнейших темах не хуже той невыносимой зубрилы Грейнджер с Гриффиндора. К тому же он водил дружбу с Поттером. Ума не приложу, почему Золотого мальчика так неистово тянет на всякое отребье. Блейз как-то обмолвился, что Ланс может быть наследником какого-то древнего угасшего рода, но я относился к этим бредням со скептицизмом. С другой стороны, без капли чистой крови Слизерин никогда бы его не принял. Так кто же ты такой на самом деле, Джойд? Мое недовольство и роящиеся в голове вопросы требовали выхода, и в один прекрасный день я просто выкинул его сундук в коридор.

И что? Этот наглец даже не дрогнул! Более того, он посмел направить на меня волшебную палочку. Когда он посмотрел с глухим бешенством, по моей спине прокатилась волна самого настоящего, постыдного страха. Я мало кого боялся в этой жизни, но Ланс, обычно такой мягкий и неконфликтный, в ярости выглядел по-настоящему жутко. Он не стал распускать руки, но ледяным тоном процедил, что я позорю имя собственного рода. Меня! Полнородного наследника Малфоев! Отчитал за неуважение к семье какой-то безродный щенок! Существовало ли в подлунном мире унижение горше этого?

Забини потом раз десять пытался выведать, чем закончилась наша стычка, но я всякий раз хранил угрюмое молчание. О таких вещах благоразумнее помалкивать.

Джойд уверял, что не ищет со мной вражды, но он смотрел на меня пренебрежительно и оценивающе. Он смотрел на меня свысока. И как бы я ни злился, в глубине души никак не мог понять: почему я, Малфой, чувствую себя перед ним ничтожеством?